

Абазов Алексей Хасанович, Хачеритлов Мухарби Жумалдинович

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕШЕНИЯ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ
ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX - НАЧАЛЕ XX В.**

Статья посвящена исследованию традиционных форм решения споров и конфликтов у народов Центрального Кавказа в последней трети XIX - начале XX в. Это явление анализируется на примере наложения наказаний за преступления по принципу круговой поруки и правил "ведения следов" с места преступления. Делается вывод, что рецепция основных правовых обычаев и традиций коренного населения способствовала формированию наиболее оптимальных моделей его интеграции в состав Российской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-16. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию традиционных форм решения споров и конфликтов у народов Центрального Кавказа в последней трети XIX – начале XX в. Это явление анализируется на примере наложения наказаний за преступления по принципу круговой поруки и правил «ведения следов» с места преступления. Делается вывод, что рецепция основных правовых обычаев и традиций коренного населения способствовала формированию наиболее оптимальных моделей его интеграции в состав Российской империи.

Ключевые слова и фразы: Терская область; обычное право; третейские (медиаторские) суды; круговая порука; следственные действия.

Абазов Алексей Хасанович, к.и.н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
alex_abazov@list.ru*

Хачеритлов Мухарби Жумалдинович, к. филос. н., доцент

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
elbrusm@mail.ru*

**ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕШЕНИЯ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ
В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

В последней трети XIX – начале XX в. судебная система Терской области представляла собой сложносоставную иерархию. В ней сочетались судебные органы, учрежденные в регионе в рамках мероприятий, направленных на реализацию судебной реформы 1864 г. (Владикавказский окружной суд, мировые суды и т.п.), и суды, основанные на традиционных для местного населения формах решения споров и конфликтов (горские словесные суды, сельские (аульные) и участковые суды и т.п.). Помимо прочего, функционировали и третейские (посреднические, медиаторские) суды.

В этом плане определенный научный интерес представляют традиционные формы решения споров и конфликтов у народов Центрального Кавказа, которые в то время применялись в деятельности посреднических судов. При исследовании поставленной проблемы следует учитывать, что в указанный период в Терской области функционировали несколько разновидностей посреднических судов: собственно традиционные медиаторские суды народов Центрального Кавказа, функционировавшие во все времена, и смешанные суды присяжных, народно-примирительные суды и т.п., создававшиеся по распоряжению российского начальства в регионе в начале XX в.

В историографии есть ряд работ, в которых рассматриваются некоторые аспекты деятельности посреднических судов у народов Терской области [1-7; 10]. Однако многие аспекты проблемы оставались вне поля зрения исследователей. В частности, до настоящего времени до конца не изучены вопросы назначения наказаний по принципу круговой поруки, техника проведения таких следственных мероприятий как «ведение» и «передача» следов преступников и т.п.

Разбирательство споров с помощью посредников у народов Центрального Кавказа в последней трети XIX – начале XX в. имело схожие черты с традиционными судебными институтами, функционировавшими до начала российского влияния в регионе. Медиаторы (судьи, посредники) по-прежнему в своей деятельности руководствовались нормами обычного права и шариата. Деятельность медиаторских судов не носила постоянного характера. Заседания назначались по мере поступления жалоб или просьб о производстве разбирательства. Заявителями традиционно могли быть как потерпевший и его близкие родственники, так и любое заинтересованное лицо. Состав этого суда также не был постоянным. Медиаторами избирались наиболее авторитетные жители аула. Кандидатами в медиаторы становились сельчане, независимо от их сословной принадлежности. Суд посредников, как правило, принимал к рассмотрению дела о возмещении ущерба за воровство и причинение телесных повреждений. Были случаи, когда медиаторами назначалась материальная компенсация за убийства («цена крови»). Основным видом доказательств во время медиаторских разбирательств оставались свидетельские показания, клятвы-присяги, очистительные присяги.

В начале XX в. по инициативе региональных властей в Терской области стали появляться новые формы третейского судопроизводства, основанные на традиционных формах решения споров и конфликтов. К ним, в частности, можно отнести осетино-ингушский смешанный суд присяжных и горско-казачьи народно-примирительные суды. Их основной задачей было разрешение имущественных споров и конфликтов по тем категориям дел, по которым невозможно было установить личность виновного, и ответственность налагалась на жителей того или иного населенного пункта по принципу круговой поруки.

Осетино-ингушский суд присяжных был создан 12 июня 1907 г. [1, с. 66; 8, с. 67-73] и просуществовал до 1910 г. Главной целью учреждения смешанных судов присяжных в Терской области было снижение уровня преступности в регионе, особенно убийств, ранений, воровства и грабежей. Основным видом наказаний, назначаемых смешанными судами, были материальные компенсации, соразмерные нанесенному преступлением ущербу.

Подозреваемому в краже представлялось право выкупа украденного в досудебном порядке. В п. 13 протокола устанавливалось, что в этом случае он имел возможность привлекать к судебному разбирательству третьих лиц, которым известны обстоятельства дела [11, д. 14, л. 14]. Сельским старшинам вменялось в обязанность незамедлительно сообщать председателю смешанного суда о случаях выкупа хозяевами украденного у них скота. Решение по конкретному делу принималось простым большинством голосов. При равенстве голосов правом решающего голоса обладал председатель смешанного суда. Решение смешанного суда считалось окончательным и не подлежащим апелляции. Основным видом доказательств в смешанных судах были очистительные клятвы-присяги.

Анализ практики осетино-ингушского смешанного суда показывает, что в нем разбирались дела об убийствах; о причинении ран и телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего; нанесении ран и телесных повреждений малолетним; о грабежах; о кражах скота и лошадей; о поджогах (например, о поджоге мельницы) и т.п.

По данным Е. И. Кобахидзе, в начале 90-х гг. XIX в. в сельских обществах была введена система круговой поруки, практика применения которой сопровождалась наложением многочисленных штрафов [9, с. 13] на целые сельские общества или определенные группы лиц. Так, например, смешанные суды присяжных в случаях, когда невозможно было установить личность преступника, выносили решение о наложении наказаний по принципу круговой поруки.

Следует обратить особое внимание на то, что в конце XIX – начале XX в. стали появляться специальные нормативно-правовые акты, в которых регламентировались основания и порядок применения некоторых традиционных форм решения споров и конфликтов в практике посреднических и смешанных судов присяжных на территории Терской области. Например, принципы применения круговой поруки были закреплены во временном «Положении о мерах для удержания туземного населения от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц не туземного происхождения», утвержденном командующим войсками Кавказского военного округа 30 сентября 1894 г. (далее – Положение 1894 г.) [Там же, с. 162-168]. Установленные в анализируемом документе порядок и принципы наложения ответственности применялись в деятельности сельских (аульных) и медиаторских (посреднических) судов, а позже – смешанных судов присяжных Терской области и горско-казачьих народно-примирительных судов. Такой вид ответственности устанавливался для наказания подозрительных и порочных членов кабардинского, осетинского, ингушского, чеченского и кумыкского обществ по тем категориям правонарушений, по которым невозможно было установить личность преступника. В документе были установлены основания для назначения конкретной меры ответственности за «всякое направленное против лиц не туземного населения [Терской] области насилие, сопровождаемое убийством, поранением, грабежом, разбоем, а также за угон открытою силою или похищение у них лошадей и скота с полевых работ и ночлегов во время пути, когда преступные деяния совершены туземцами, но виновные не будут обнаружены» [Там же, с. 163]. Среди таких оснований следует обратить внимание на следующие.

Во-первых, необходимо было, чтобы следы движения предполагаемых преступников или украденного скота были бы доведены до конкретного населенного пункта, «не далее одной версты от его околицы, и там окажутся затерянными или забытыми» [Там же]. В этом случае ответственность за нанесенный преступлением ущерб налагалась на общество этого населенного пункта.

Во-вторых, устанавливалось, что если следы преступления были затеряны на расстоянии, превышающем одну версту, то ответственность за преступление возлагалась на представителей всех тех сельских обществ, через наделы которых проходили следы в места преступления.

В-третьих, если не удавалось установить конкретный населенный пункт, в котором предположительно могли бы скрываться преступники, причем было очевидно, что преступление было совершено представителями коренного населения, то наказание налагалось на представителей одного или нескольких населенных пунктов, расположенных поблизости с местом преступления.

Во всех указанных случаях окончательное решение о привлечении к ответственности виновных принимал начальник Терской области. Причем эти меры применялись как по преступлениям, совершенным представителями коренного населения региона, так и по преступлениям, совершенным против них.

Следует отметить, что Положение 1894 г. подробно регламентировало и технику отслеживания и ведения «следов» с места преступления до определенного населенного пункта. Считалось, что ведение следов можно признать действительным в том случае, если они были обнаружены на месте преступления в присутствии представителей сельской, станичной администрации или полиции, потерпевшего или его представителей и не менее двух понятых. Далее, если следы были доведены до конкретного населенного пункта, то их необходимо было «сдать» старшине или его помощнику. По этому факту должен был быть составлен специальный протокол. Помимо прочего, «принимаящему следы предоставляется [право] требовать от следователей указать обратно следы до места, откуда они взяты» [Там же, с. 164]. В свою очередь «принявшие следы» представители сельской администрации принимали на себя и обязанность «вести» их дальше. При доведении следов до следующего населенного пункта их следовало передать представителям его администрации с соблюдением описанной процедуры. Споры, которые могли возникнуть между представителями разных сельских администраций по поводу правильности «ведения и передачи следов», подлежали решению на уровне участкового начальника. Причем участковый начальник мог как лично проверить правильность «ведения следов», так и предложить дать присягу «следоводителям» по этому факту. Кроме того, «лица, у которых будут украдены или отбиты скот или лошади, если желают воспользоваться действием положения 1894 г., обязаны заявить о случившемся ближайшим сельским властям не позже 12 часов после совершения у них кражи» [Там же].

На представителей сельских администраций налагалась обязанность незамедлительно реагировать на все жалобы и сообщения о совершении рассматриваемой группы преступлений. «По первому же заявлению потерпевшего или следователей явиться на место для проверки и принятия доведенных следов» [Там же, с. 165]. Если представители сельской администрации исполняли эти обязанности ненадлежащим образом или не исполняли вообще, то на основании анализируемого Положения 1894 г. «следы признаются за тем туземным сельским обществом, на юртовом наделе которого остановилось их ведение» [Там же]. При этом виновные в неявке или несвоевременном прибытии к месту «принятия следов», независимо от занимаемой в сельском правлении должности, могли быть привлечены к ответственности начальником соответствующего участка или же быть признаны виновными в совершении преступления, или привлечены к материальной компенсации в пользу потерпевшего.

По общему правилу, когда ответственность за совершение конкретного преступления возлагалась на одно или несколько сельских обществ, она распределялась в равных долях на каждого жителя. От «участия в платеже по доведенным следам преступления освобождаются: вдовы, малолетние, сироты, офицеры полиции и служащие в постоянной Терской милиции, если только в составе семейств этих лиц нет других взрослых членов мужского пола, т.е. старше 17 лет» [Там же, с. 166]. Размер материальной компенсации по делам об убийствах, нанесении ран и телесных повреждениях, грабежах и разбоях определялся начальником Терской области и утверждался командующим войсками округа. К этой сумме могла быть добавлена и компенсация расходов, понесенных во время розыска преступников. Материальные компенсации за кражу скота или лошадей производились сельским обществом по соглашению сторон в натуре или деньгами. В случае взыскания денежного штрафа, его размер устанавливался начальником Терской области с учетом существовавших на тот момент средних цен на скот или лошадей.

В случае если во время следственных мероприятий удавалось установить личность преступника, дела направлялись в установленном порядке по подсудности. При этом представители сельских правлений при выдаче преступников обязаны были представить достаточные доказательства их виновности. В этом случае сельское общество не подвергалось ответственности по принципу круговой поруки. В случае финансовой несостоятельности преступника и невозможности возместить ущерб, к «уплате присужденного вознаграждения привлекаются ближайшие родственники осужденного мужского пола до третьего колена включительно, оседло проживающие с ним в одном селении...» [Там же, с. 167]. В случае если предъявленные сельским обществом доказательства, по мнению суда, окажутся недостаточными, а подозреваемый будет оправдан, то ответственность возлагается также по принципу круговой поруки на то общество, которое его выдало. Если сельское общество будет настаивать на виновности оправданного судом подозреваемого, суд вправе требовать от него принятия очистительной присяги в установленном порядке.

Следует обратить особое внимание на то обстоятельство, что Положение 1894 г. дифференцировало рассматриваемую категорию ответчиков на собственников и несобственников земельных наделов, до которых «доведены следы преступления» [Там же]. В нем отмечалось, что «при доведении следов преступления на землю частных владельцев из туземцев, или когда на землях этих оседло проживают туземные жители, денежное взыскание... возлагается на собственников туземцев или же на проживающих на таких землях упомянутых туземцев» [Там же]. Кроме того устанавливалось, что по этим правилам к ответственности не могли привлекаться представители некоренного населения региона [Там же].

Таким образом, в последней трети XIX – начале XX в. в деятельности третейских судов у коренных народов Терской области по-прежнему применялись некоторые традиционные формы установления истины по делу и решения споров и конфликтов. При этом власти предпринимали попытки регламентировать основные направления практики их применения. Наиболее устоявшиеся правила проведения отдельных процессуальных действий и принципы наложения наказаний, которые не противоречили действовавшему российскому законодательству, находили закрепление в специальных нормативно-правовых актах. Такая форма рецепции правовых обычаев и традиций в указанный период способствовала формированию наиболее оптимальных моделей интеграции народов региона в правовое пространство Российской империи.

Список литературы

1. **Албогачиева М. С.-Г.** Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 180 с.
2. **Арсанукаева М. С.** Горско-казачьи суды в Чечне и Ингушетии (начало XX в.) // Юридический мир. 2009. № 7. С. 76-80.
3. **Арсанукаева М. С.** Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX – начало XX в.): дисс. ... д.ю.н. М., 2010. 456 с.
4. **Арсанукаева М. С.** Общественные суды в Терской области и их роль в нормализации межнациональных отношений (начало XX в.) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 26-30.
5. **Бабич И. Л.** Эволюция правовой культуры адыгов. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. 238 с.
6. **Грабовский Н. Ф.** Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горах. Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1870. Вып. IV. С. 1-72.
7. **Думанов Х. М., Кетов Ю. М.** Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX веке. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2000. 129 с.
8. **Коздоев Н. Д.** История развития судебной системы Ингушетии. Назрань: Пилигрим, 2006. 356 с.
9. **Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.:** сборник документов / сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 225 с.

10. **Прасолов Д. Н.** К вопросу о роли института посредничества в социальной практике пореформенной Кабарды // Россия и Северный Кавказ: материалы Международной научной конференции, посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К. Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказа (г. Владикавказ, 6-7 октября 2009 г.). Владикавказ, 2010. С. 221-226.
11. **Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.** Ф. 117. Оп. 1.

TRADITIONAL FORMS TO SETTLE DISPUTES AND CONFLICTS IN THE TEREK PROVINCE'S JUDICIAL SYSTEM IN THE LAST THIRD OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abazov Aleksei Khasanovich, Ph. D. in History
Kabardian-Balkarian Institute for Humanities Researches
alex_abazov@list.ru

Khacheritlov Mukharbi Zhumaldinovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
elbrusm@mail.ru

The article is devoted to studying the traditional forms to settle disputes and conflicts among the peoples of the Central Caucasus in the last third of the XIX – at the beginning of the XX century. This phenomenon is analyzed by the example of imposing punishments for crimes according to the mutual responsibility principle and the rules “to identify traces” from the crime scene. The authors conclude that the reception of the indigenous people’s basic legal customs and traditions promoted the formation of the most optimal models of their integration into the Russian Empire.

Key words and phrases: the Terek province; common law; arbitration (mediatory) courts; mutual responsibility; investigatory actions.

УДК 94(47)+94(100)"1914/19"

Исторические науки и археология

В данной статье на основе малоизвестных документальных источников, главным образом полковых хроник и воспоминаний легионеров, рассматриваются подробности участия частей отдельного Чехословацкого армейского корпуса в борьбе с немецкими интервентами. Особое внимание в статье уделено проходившей 7-13 марта оборонительной операции в окрестностях железнодорожного узла Бахмач, откуда производилась эвакуация Чехословацкого корпуса в Советскую Россию.

Ключевые слова и фразы: стратегическая операция; Бахмач; Чехословацкий корпус; 2-я Чехословацкая дивизия; германская интервенция; Первая мировая война.

Александров Петр Германович

Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева, г. Владивосток
pal1889@mail.ru

БИТВА У СТАНЦИИ БАХМАЧ: К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЧАСТЕЙ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КОРПУСА В БОРЬБЕ С ГЕРМАНСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ В ФЕВРАЛЕ-МАРТЕ 1918 Г.

За последние два десятилетия в отечественной историографии был отмечен всплеск научного интереса к участию солдат Чехословацкого легиона в вооруженной борьбе с Красной Армией вдоль Транссибирской магистрали [10, с. 3-12; 11, с. 5-17; 12, с. 5-20; 14, с. 75-103; 15, с. 88-98; 18, с. 55-61; 19, с. 28-34]. В летние месяцы 1918 г. легионерам удалось ликвидировать сопротивление противника, заставив его перейти к партизанской борьбе. Освещая первые боестолкновения, многие авторы обращали внимание на неорганизованность советских вооруженных отрядов, что имело место быть, но при этом обходили вниманием такое важное явление как наличие у чехов обширного боевого опыта, несомненно, способствовавшего успеху.

Срыв мирных переговоров, проходивших в Брест-Литовске между Советской Россией и Центральными державами, создал для Германии и ее союзников официальный повод к возобновлению боевых действий. 18 февраля 1918 г. по всему фронту германо-австрийские войска начали масштабное наступление. В полосе Юго-Западного фронта на восток продвигалась 200-тысячная группировка, включавшая 28 пехотных и 2 кавалерийские дивизии германской армии и 8 пехотных и 2 кавалерийские дивизии австро-венгерской армии [16, с. 21-22].

Столь значительным силам противника советская сторона могла противопоставить лишь разрозненные отряды Красной Армии, насчитывавшие всего 15 000 бойцов, к тому же разбросанных на огромном пространстве [8, с. 58]. Очаг сопротивления возник только в окрестностях г. Житомира, где совместно с красноармейцами противника встретили бойцы Чехословацкого корпуса. В окрестностях города в селе Полонном располагался штаб его 1-й Гуситской дивизии [6, с. 40-41].